

ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ!

Рассказы

Глупый рассказ

Мы отправились на стадион. По дороге я зачем-то вывалил Сергеичу много лишнего. Например, признался, что перестал понимать жизнь и даже немного устал от неё. Ага, прямо так и сказал, будто выдернул фразу из старого умного фильма. На это сосед мне ответил, что сейчас я увижу «кое-что интересное».

– Наверное, тебе это поможет, – сообщил он. – Или не поможет.

– В каком смысле? – уточнил я.

– Ну, понять жизнь, типа, – нехотя ответил Сергеич.

Стадион наш – это пустырь, обособленный рваной сеткой-рабицей. Он притаился в зарослях бурьяна на отшибе старого малоэтажного райончика. Место для обычного энергичного человека несимпатичное. Но для таких меланхоликов-шатунов, как я и Сергеич, привлекательное.

Подступы к нашему «стадиону» засыпаны смятыми пивными банками, пустыми водочными чекушками и мерзавчиками, усеяны окурками. Там повсюду виднеются вдавленные в землю пробки. По пути мы обнаружили порванный зимний сапог, кусок автомобильной шины и перекинутое через ветку корявого дерева синее платье в веселый цветочек. Оно выглядело довольно сносно, то есть имело, как говорится, «товарный вид».

Рядом с полусгнившей осиною чернело густое болотце. По краю этой грязюки торчали стволы каких-то высоких растений, напоминающих бамбук. Где-то неподалеку истошно каркала ворона. Болотце распространяло сырой дуремарный смрад.

После обнаружения платья у меня возник вопрос: «Как и при каких обстоятельствах оно могло расстаться со своей хозяйкой? Если произошло что-то страшное, то почему оно, платье висит на дереве, а не находится где-нибудь на экспертизе?». Ответ на этот вопрос не нашлся.

– Вот и пришли, – сказал Сергеич.

Стадион наш безнадежно запущен. Трудно представить, что когда-то он был новым. С одной его стороны торчат останки трибун, то есть ржавые каркасы, слегка прикрытые досками. Раньше эти доски, вроде, имели голубой цвет. Нынче они серые. С противоположной стороны игрового поля вообще ничего нет – только высокая трава, кусты и торчащие зеленые лапы с пучками каких-то желтых шариков. Не помню, как называются эти цветы. Пижма, что ли?

Владимир Гуга родился в 1972 году в Москве. Закончил музыкальное училище им. С.С. Прокофьева и Литературный институт им. А.М. Горького. Работает копирайтером. Автор книг «Фаина Раневская. Великая и непредсказуемая» (2016), сборников рассказов «Мама нас точно убьет» (2019), «Путь пса» (2022). Публикации в изданиях: «Огонёк», «Урал», «Дружба народов», «Полдень, XXI век», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Топос», «Этажи», Литература, «Формаслов» и др. В «Волге» публиковались рассказы (2021, № 11-12).

Под каркасом трибун тоже все усеяно пивными банками и бутылочками. На одной из редких досок грустно и одиноко покоится розовый презерватив.

Мы кое-как разместились на доске. Сергеич откупорил бутылку «Праздничной». Я достал порцию картофеля фри из «KFC». И тут же, почуяв добычу, перед моим носом заметался голодный комар.

В тот вечер по полю носились две команды здоровенных мужиков. Они пытались вырвать друг у друга овальный мяч, похожий на экзотический фрукт. Вместо ворот по краям поля торчали по два высоченных шеста. В какой-то момент один из игроков шибанул по мячу ногой так сильно, что «экзотический плод» улетел выше этих штанг. Игроки одной команды радостно заорали и замахали руками. Игроки другой команды уткнули кулаки в бока и опустили головы.

– Как он мог попасть ногой по этой хреновине? – спросил я. – Это же нереально... Мяч ведь не круглый.

– Володь, это – регби, – многозначительно ответил Сергеич, приподняв бровь.

Я хмыкнул:

– Ты, наверное, думаешь, что дал исчерпывающий ответ. В чём смысл игры, ваще?

– Лучше не спрашивай. У них – толстенная книга правил. Однако, регби – очень древняя и сложная игра. Гораздо древнее футбола. Это – что-то среднее между гандболом и греко-римской борьбой.

Мы накатили.

– Смотри, – заметил я, ткнув указательным пальцем в поле, – в каждой команде присутствуют игрок в какой-то средневековой шапочке с завязками. У него особая позиция? Нестандартный функционал?

Сосед выпустил из каждой ноздри по струе табачного дыма. Причем по очереди.

– В любом обществе есть свой обособленный человек. Придурок. Это я сейчас без всякого негатива сказал. Просто другого слова не подобрать. Скажем, в футболе – вратарь. Когда все носятся, он стоит. Зато когда все стоят, во время пенальти, например, он прыгает, словно макака. Или ударник в рок-группе: все музыканты орут, бегают, трясут гривами, а он сидит, прикованный к установке. Вот и в регби – то же самое. Понимаешь, это – какая-то очень редкая масть, особый ископаемый вид, прототип, одним словом. Врубился?

– А-а-а, – кивнул я. – Понял. Атавизм.

Затем Сергеич признался мне, что приходит смотреть регби, абсолютно не понимая правил игры, и находит в этом умиротворение и объяснение многим окружающим явлениям.

– Смотри, сейчас будет самое интересное, – вдруг сообщил Сергеич, вытянув шею.

Несколько мужиков от каждой команды, упершись друг в друга лбами и сцепившись руками, образовали подобие многорукого инопланетного животного. Существо напряженно, словно борясь с самим собой, затопталось на месте, а потом вдруг – раз! Провалилось в себя! Так сказать, самопоглотилось. Сверху на барахтающееся месиво из рук, ног, туловищ накинuloсь еще несколько игроков. Внезапно из нижнего хитросплетения конечностей выстрелил овальный мяч, и один особо ловкий и быстрый амбал бросился его догонять. А остальная масса игроков, еще немного побарахтавшись в этой куче-мале, кинулась в погоню за мужиком, который побежал за кривым мячом.

– Видал?! – довольно спросил Сергеич. – А ты говоришь... Здесь каждый день происходит подобное!

Наблюдая эту необычную битву титанов, мы не заметили, как микрорайон отчалил и поплыл в ночь. В окнах ближайших пяти и девятиэтажек зажглись желтые огни. Небо зафиолетовело.

Настал момент, и мужики, громко обсуждая состоявшуюся игру, двинули со стадиона. Пусть со штангами опустел.

А мы с Сергеем остались тупить на трибунах. Оказывается, молча наблюдать глухую пустоту не менее интересно, чем битву титанов. Время словно остановилось.

Наше оцепенение нарушил здоровенный ничейный пес, появившийся на поле. Он деловито добежал до центра стадиона, остановился и уставился куда-то вдаль. Уши его задвигались, пасть приоткрылась, а правая передняя лапа приподнялась и согнулась. Пес участвовал в каких-то событиях, о которых я и Сергеем понятия не имели. И до нас ему не было никакого дела.

Кефирное пятно

Я сижу на горшке и наблюдаю скандал, разгоревшийся между прабабушкой Софьей Аркадьевной и заглянувшим в гости Давидом Ароновичем. Несмотря на то, что они родные брат и сестра – отчества у них разные. Почему? Это навсегда останется загадкой. Видимо, Софья Аркадьевна однажды решила немного подрихтовать свое «тяжелое» отчество на более «приличное» для определенного места и времени. А может быть, Давид Аронович по какой-то важной причине изменил свое отчество и стал Ароновичем... Поди узнай сегодня...

Ругаются они красиво, с огоньком. Что делают стороны конфликта, разумеется, непонятно. Они выясняют отношения одновременно по-русски и на идиш. А я и русский еще очень плохо знаю, а уж идиш мне кажется какой-то полнейшей тарабарщиной. Однако я пытаюсь по-попугайски повторять причудливые слова. Изредка прабабушка поворачивается ко мне и произносит: «Какай, Вовочка, каккай». Это она вроде как дыхание берет, чтобы вновь нырнуть в водоворот скандала.

В руке у Давида Ароновича, в кругу семьи именуемого Додиком, запечатанная зеленой фольгой бутылка кефира. Додик её периодически гневно заносит для броска или удара. Ну, когда же, думаю, это случится? Когда? Не тяни уж! В нормальном состоянии брат прабабушки очень похож на суетливого Луи де Фюнеса, а в гневе он превращается в абсолютную копию этого французского кинокомика. Софья Аркадьевна, по-простому баба Соня, смахивающая на толстую одесскую бандершу, трясет воображаемыми серьгами (настоящие-то вместе с мочками выдрали петлюровцы пятьдесят с лишним лет назад). Пожилые брат с сестрой кричат, заламывают руки, хватаются за голову, топают ногами, мечутся по комнате, но развязка все не наступает. Все никак... Противники держатся из последних сил. Я верчусь на горшке, вращая при этом головой и глазами, а действующие лица драматической сцены кружатся вокруг меня. Комната напоминает веселую карусель. И вот свершилось! Додик наконец швыряет бутылку! Незабываемое зрелище! Он кидает бутылку не в Софью Аркадьевну, не на пол, не в стену и не в окно. Он бросает ее в потолок! Жест, достойный человека с большими творческими и житейскими амбициями. Сколь много, должно быть, чувств он вкладывает в этот бросок. Бутылка распускается на потолке белым бутоном, осколки и вязкие капли покрывают все пространство комнаты. На этом скандал исчерпывается. Причем мгновенно. Как опытный дирижер одним резким взмахом останавливает лавину симфонии, так Давид Аронович простым броском бутылки прекращает симфонию скандала. В дирижерском искусстве это действие называется «снять». Концерт окончен.

Баба Соня равнодушно пожимает плечами и лезет в буфет за «мермеладкой». Додик, спокойно засунув руки в карманы, уходит на кухню курить. Тишина. С потолка капает. Я сижу на горшке.

...Пятно, ввевшееся в потолок, пережило и брата, и сестру. Потому что раньше молочные продукты делали на совесть. Явно не из порошка. Отмыть и даже закрасить его не получалось долгие-долгие годы. Сколь мы не бились, пятно упрямо проступало. В конце концов на кефир-

ную кляксу мы перестали обращать внимание. Тогда пятно вдруг взяло и исчезло. Типа, показало характер. Ушло втихаря. То ли растворилось в потолке, то ли переползло в другую квартиру, то ли... Наверно, кефирное пятно обиделось на наше равнодушие или просто соскучилось по Давиду Ароновичу и Софье Аркадьевне.

Последний урок

Любовь Альфредовна решила уволиться из школы. Причина – педагогическое бессилие. Она не смогла победить Павлика, наглого и тупого ученика из 6-го «Б». Война их продолжалась недолго – месяца три. Но за этот короткий период Павлик буквально тяжелым танком раскатал молодую учительницу.

Вроде он ничего ужасного не вытворял – просто спал, разговаривал, пел и жрал на уроках. Но этого оказалось достаточно для расправы над чувствительным педагогом. Особенно отвратительно Павлик на уроках жрал.

Больше остального он любил уминать за партой творожные сырки в шоколадной глазури. За один урок он мог уничтожить десяток. Обычно он не откусывал кусочек, а отправлял в рот весь сырок целиком, подталкивая его пальцем. А потом смотрел выкатившимися от натуги глазёнками на Любовь Альфредовну, пока та рассказывал классу про Маленького Принца и его Розу или про Дубровского и Машу. В такие моменты она, сбиваясь, отворачивалась, а он не в силах разжевать огромный творожный ком, начинал мычать и стучать по полу ногами. И весь класс ржал. Хохо-тали даже отличницы.

Любовь Альфредовна не могла понять, чем этот непосредственный и чистосердечный хам мог покорить два с половиной десятка юных душ: ведь в 6-м «Б» присутствовали неглупые и воспитанные дети.

Когда Павлик запихивал в пасть свои запасы, Любви Альфредовне казалось, что он жрёт не сырок или чипсы, а всё самое красивое и ценное, доброе и вечное, включая великую русскую литературу. Однажды она реально испугалась, что не ровен час сама окажется проглоченной этим рыжим чудищем.

Жаловаться родителям Павлика ей не позволяла профессиональная гордость. Да и смысла не имело – они, люди очень занятые, активные, продвинутые, все равно бы не поняли, что называется, «суть проблемы». Она знала, что для мамы, папы и молодящейся бабушки Павлика простодушное свинство энергичного мальчика являлось творческим проявлением естественной свободы, столь необходимой для формирования полноценной личности. К директору Любовь Альфредовна тоже не обращалась. Опять же, профессиональная гордость мешала. В общем, для себя она видела только одно решение – парадный выход из школьного здания.

Но прежде чем уволиться, Любовь Альфредовна все-таки «позаботилась о тылах». Диана, её давняя подруга-одноклассница, узнав о готовящейся капитуляции, очень кстати пригласила неудавшуюся учительницу попытать счастья продавцом-консультантом в знакомый модный бутик. Диана была кряжистой разбитной хабалкой, а Любовь Альфредовна – утонченной ранимой ботаничкой. Поэтому, наверное, они и дружили: единство и борьба противоположностей.

– Да не бзди ты, Альфредовна, – поддержала подругу Диана, – тебе только придётся ходить на каблучках туда-сюда, туда-сюда, и губы раздувать. Ничего сложного. Бутик – дорогой, итальянский. Вещи – эксклюзивные. Поэтому в него почти никто не заходит. Может, мужа там себе мазового оторвешь или хотя бы нормального мужика. Главное в твоей работе – держать понты, понимаешь? То есть ходить с умеренно козьей мордой и говорить: «Обратите внимание на эту новую модель из коллекции весна-лето». Всего делов-то. Понимаешь?

Альфредовна кивнула, хотя из услышанного поняла далеко не всё.

Директора бутика мистера Джойса поразила не столько стройность и элегантная внешность кандидатки на вакантную должность, сколько её красный диплом педагогического вуза. Ну, а Альфредовна восхитилась фамилией своего нового босса.

«Портрет художника в юности» я одолела, – призналась она себе, возвращаясь с собеседования, – а вот «Улисс», помню, совсем не пошёл».

На своём последнем уроке Альфредовна решила поведать ребятам печальную историю гибели Пушкина. Эта тема не входила в школьную программу шестого класса, но ей очень хотелось донести до детей нечто важное, то, что может их зацепить на всю жизнь. Рискованный ход, конечно, но ей все равно нечего было терять.

И Любовь Альфредовна рассказала всю предысторию печальных событий на Чёрной речке, обрисовала дуэль и последние мучения поэта. Удивительно, но класс слушал этот рассказ, находясь в ошеломлении. 6-й «Б» действительно зацепило.

«Вот что значит, – довольно думала учительница, – творческий подход к преподаванию. Только, увы, такой подход в нашей системе образования возможен лишь как акт отчаяния».

Когда Любовь Альфредовна читала в заключение своего выступления «Погиб поэт, невольник чести», у многих детей по щекам заструились слезы.

– Вот так и закончил свой земной путь великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, – завершила свой рассказ учительница и замерла. Взгляд её уперся куда-то внутрь головы. Класс оцепенел.

Вдруг Любовь Альфредовна очнулась и медленно, мягкими семенящими шажками подплыла к парте Павлика.

– А знаешь, кто на самом деле убил Пушкина? – по-змеиному прошипела она в самое ухо обидчика.

В классе было так тихо, что все услышали этот вопрос.

– ЭТОТ... как его... Дантес, – пролепетал в ответ Павлик. – Вы же сами сказали.

– О, нет, не Дантес! – лицо учительницы хищно оскалилось. – Это в учебниках так пишут. Но я знаю тайну, я знаю, кто на самом деле убил Пушкина.

– Кто? – Павлик испуганно сжался, предчувствуя нечто кошмарное.

– Ты!!! – восторженно объявила учительница и показала на мальчика длинным пальцем с алым сверкающим ногтем.

Несколько девочек от неожиданности вскрикнули.

– Я не убивал его... – пискнул Павлик, задрожав. – Это – не я.

– Нет, ты! – повторила плотоядно улыбающаяся учительница, склонившись над мальчиком, как гадюка над птенцом. – Именно ты погубил солнце русской поэзии!

Павлик вскочил из-за парты и с рёвом вылетел из класса.

И тут Любви Альфредовне показалось, что в её измученном организме миновал кризис долгой и тяжёлой болезни: ей стало гораздо легче дышать, тело будто избавилось от лишних килограммов (хотя их и так не было), лица ребят вроде стали светлее и умнее, да и лучи солнца, стреляющие в окно класса, как-то оживились и повеселели.

Любовь Альфредовна подошла к окну и с упоением принялась наблюдать, как Павлик, словно курица с отрубленной башкой, размахивая руками, с криками несётся невеста куда. Со стороны казалась, что он пытается избавиться от видимого только ему преследователя.

«Вот теперь побегай!» – молча пожелала Любовь Альфредовна своему мучителю и с легким сердцем покинула класс.

Жизнь удалась!

...но в этот момент мимо прогromыхал холодный мусоровоз...

Александр Курбатов

Около подъезда стоял огромный железный кузов с высокими бортами. Обычно такие угрюмые емкости используют для сбора и вывоза строительного мусора – всяких досок, дверей, оконных рам. Но это циклопическое корыто было с горкой наполнено не ремонтными отходами, а разным домашним старьем: рваной одеждой, кастрюлями, занавесками на карнизах, мертвыми домашними цветками в горшках, полуистлевшими книжками. Имелись в контейнере и предметы посolidнее – мрачный старый шкаф, продавленный двустворчатый диван с желтыми пятнами, кухонная газовая плита и письменный стол. Все это добро источало корвалольно-творожный запах старости.

К мусорному контейнеру подошел Кузьма, взъерошенный пожилой человек в ботинках без шнурков, и с интересом заглянул за борт. Пока он пытался оценить выкинутые вещи, в кузов упала так называемая радиола, то есть старый проигрыватель пластинок на ножках. Следом прилетел застекленный портрет Хемингуэя. Прямо на лбу великого американского писателя красовалась паутина трещин.

– Ребятки, – спросила у смуглых грузчиков, невесть откуда взявшаяся крохотная старушонка, – можно я кастрюлю возьму, а?

– Бери, бабка, – равнодушно ответил маленький азиат в очень высокой черной шапке. В этом колпаке, по мнению Кузьмы, работяга напоминал дервиша.

На самом деле Кузьму звали Николай Владимирович. Когда-то давно он был инженером. Но постепенно всякие исторические потрясения, разводы-женитьбы, бесконечная смена мест работы сделали из него Кузьму, косматого человека с голыми деснами и копченой лысиной. Кроме того, его фамилия, Кузьмин, прямо соответствовала его прозвищу. А еще в юности он увлекался русским космизмом, мусоля дефицитные труды Циолковского и Вернадского. В каком-то смысле Кузьма являлся абсолютно гармоничным человеком, совершенно свободным, очень легким, правда, живущим одним днем.

По просьбе старушки Кузьма достал кастрюлю, лежащую недалеко от края кузова. Она оказалась дырявой в нескольких местах.

– Все самое ценное уже разобрали, Бенедиктовна, – объяснил Кузьма бабке с немыслимым отчеством, – ты думаешь, люди – дураки? Зря.

Бенедиктовна печально охнула и поплелась в сторону магазина «Авоська».

Внезапно рядом с Кузьмой приземлилась коробка с надписью «Водка «Праздничная»: грузчик в длинном колпаке швырнул её в кузов, но немного не рассчитал траекторию. От удара об асфальт дно коробки распахнулось, и наружу вывалилась какая-то бумажная чепуха – тетради, папки, записные книжки и толстый фотоальбом.

Кузьма почесал плешь, взял альбом, отошёл от кузова и деловито разместился на бортике песочницы.

На некоторых картонных страницах альбома имелись поясняющие надписи: «Сочи, 1956 год», «Леночкина свадьба, 1983 г.», «Петя. Демобилизация. 1978 год, ноябрь», «Свадьба Ани и Сергея, 1989». «Ленинград. У Петровых. 1969 г.». Эти надписи комментировали черно-белые фотографии. Но в альбоме были и цветные: «Петя. Первый класс. 1998» или «Шарм-эль-Шейх. 2001 год». Снимки в альбоме находились не в целлофановых ячейках, а были приклеены прямо к серым картонным страницам.

«Раньше, – подумал Кузьма, – существовало искусство портретной съемки. Люди специально ходили в фотоателье или приглашали фотографов на важные мероприятия, например, на свадьбу

или, прости господи, на похороны. На свадьбу и сейчас приглашают. Но разве можно сравнить нынешних фотографов с былыми? В прошлом снимали так, что весь характер человека был на лице. Причем даже у самых злых и вредных людей на старых фотках – прекрасный характер проглядывает. Все остались в старых фотоальбомах хорошими и красивыми. И вот что самое интересное: фотографа на семейных мероприятиях не было видно. Так... Придёт какой-то невзрачный мужичок, сядет в углу, пощелкает, походит молча, пощелкает. А потом – хоп! И целая коллекция фотошедевров! Он никому не мешал, никого не строил, не заставлял замереть или улыбаться, раздирая рот...»

Тяжело передвигая лапы, к Кузьме подошел здоровенный, очень лохматый и очень старый одноухий кот Юпитер.

– Вот смотри, – Кузьма показал своему четвероногому дружбану фотографию веселого улыбающегося семейства, – видишь, что значит «жизнь удалась»?

С фотоснимка довольно глядели люди нескольких поколений – мужчины и женщины, бабушки и дедушки, мальчики и девочки. Был даже младенец с соской во рту, на коленях у полной дамы в коротком платье. Короче, целая толпа приличных, самодостаточных людей улыбалась с карточки: кто постарше – сидел, а более молодые стояли за их спинами.

– А у меня и у тебя жизнь не сложилась. Не повезло нам, Юпитер. Хотя что значит не повезло? Сами во всем виноваты. А вот у кого-то сложилось всё прекрасно. Видишь?

Юпитер смотрел на фотографию, задумчиво вращая ухом. А Кузьма продолжал бормотать какую-то чушь о счастливых и несчастливых судьбах. Неожиданно внимание Юпитера отвлек въехавший во двор грузовик-тягач с маленьким краном-подъемником на раме. Машина подкатила к здоровенному кузову. Два шустрых работника в синих костюмах, выскочившие из кабины, подцепили контейнер со старческой рухлядью крючками на цепях, и вонючий кузов быстро оказался на колесах.

– Эй! – помахал Кузьма приехавшим работникам. – Стойте-ка!

Мужики в рабочих костюмах закурили, глядя на приближающегося бородатого лоха.

– Вот! – показал Кузьма альбом и швырнул его в кузов. – Это отсюда.

Юпитер вильнул обрубок хвоста, мотнул головой и чихнул, дескать, да, подтверждаю, *это* отсюда. Затем он заковылял к возвращающейся из «Авоськи» Бенедиктовне. Хорошо ориентируясь во времени, старый кот знал свой час. Почти каждый день около полудня Бенедиктовна угощала его обедом – куском колбасы или сметаной на картонной тарелке. А когда не угощала, ему что-то перепадало от других благодетелей. Например, мужики, сидящие на околоподъездной лавке, иногда подкидывали ему голову и плавники воблы. Юпитер был такой старый, что никто во дворе не помнил его младенчества и юности.